

★ Владимир ПЕРШАНИН ★

ХАЛХИН-ГОЛ

Первая победа Жукова

Владимир Николаевич Першанин
Халхин-Гол. Первая
победа Жукова
Серия «Война. Штрафбат.
Они сражались за Родину»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51985647
Халхин-Гол. Первая победа Жукова: Якуза; Москва; 2020
ISBN 978-5-00155-194-2

Аннотация

Бои на Халхин-Голе, продолжавшиеся с весны по осень 1939 года, называют у нас «военным конфликтом», а в Японии – «Второй русско-японской войной».

Это были полномасштабные боевые действия, в которых массированно применялась авиация и танки, практически репетиция Второй мировой. На первоначальном этапе боев Красная Армия допустила множество командно-организационных ошибок, которые позволили японским войскам, имевшим в тот момент богатый боевой опыт, завладеть инициативой. Однако после приезда на ТВД комдива Жукова ситуация резко изменилась – была проведена тщательная «работа над ошибками», подтянуты свежие резервы.

Итоги сражения подвел по «горячим следам» Константин Симонов:

Да, нам далась победа нелегко.

Да, враг был храбр.

Тем больше наша слава.

Книга написана на основе реальных событий. Это последнее произведение великого мастера исторических романов Владимира Першанина – писатель умер в январе 2020 года. Он писал эту книгу несколько лет, стремясь запечатлеть подвиг участников боев на Халхин-Голе, одного из которых он вывел в образе главного героя повествования – вчерашнего выпускника пехотно-пулеметного училища лейтенанта Василия Астахова.

Содержание

Глава 1. Первый бой лейтенанта Астахова	6
Глава 2. Дожить до заката	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Першанин

Халхин-Гол. Первая победа Жукова

© Першанин В.Н., 2020

© ООО «Яуза-Каталог», 2020

Глава 1. Первый бой лейтенанта Астахова

Стрелковые батальоны спешно окапывались на склонах сопки. Грунт был в основном песчаный, и даже малые сапёрные лопатки позволяли быстро рыть окопы.

– Астахов, пошевеливайся! – пробегая мимо, крикнул лейтенанту ротный Назаренко. – Глубина в полный рост.

Действующий в то время Боевой устав пехоты предписывал каждому красноармейцу иметь индивидуальный окоп – сплошные траншеи обычно не рыли. Но уже стало ясно, что укрытия в полный рост выкопать не удастся. Роту обстреливали из станковых пулемётов «Гочкис», изредка прилетали снаряды, взрываясь с недалётом.

Затем взрывы участились. Назаренко приказал залечь в недорытых окопах и приготовиться к отражению вражеской атаки. Снаряды летели по какой-то странной траектории, падая вниз почти отвесно. Один из них глухо рванул метрах в пяти от окопа Василия Астахова. Рядом шлёпнулся закопчённый хвостовик от 80-миллиметровой мины. Лейтенант понял, что обстрел ведут миномёты, от которых трудно спрятаться даже в глубоком окопе. Большинство бойцов не знали, что это за оружие, и тревожно вертели головами.

– Мортиры? – спросил красноармеец Осин Гриша из

ближнего окопа.

– Вроде того, – отозвался лейтенант. – Миномёты бьют, голову не высовывай. И винтовку проверь, песок кругом.

Впрочем, главную опасность представляли сейчас не миномёты. Основную часть артиллерии японцы сосредоточили на левом фланге, где, по всей видимости, готовился основной удар.

Шестую роту обстреливали станковые пулемёты «Гочкис». Им отвечали два ротных «Максима». Закончилось это тем, что противотанковая 37-миллиметровка поймала один из «Максимов» в прицел и накрыла осколочным снарядом. И сразу началась атака.

Вернее, она начиналась с того, что японские солдаты приближались ползком, а затем по команде офицера вскочили и бросились вперёд. В песочного цвета форме, башмаках с обмотками, они бежали уверенно, выставив винтовки с примкнутыми ножевыми штыками. Это был первый бой его взвода. Астахов невольно замер, сжимая в руке пистолет.

По команде Назаренко открыли огонь все шесть ручных пулемётов Дегтярёва, имевшиеся в роте. Продолжал бить длинными очередями уцелевший «Максим». Затем захлопали винтовочные выстрелы.

Японцев на этом участке насчитывалось человек сто семьдесят против ста пятидесяти бойцов роты Назаренко. Это была головная часть наступающих цепей, за холмом наверняка находился резерв. Кроме того, японцев поддерживала

огнём 37-миллиметровая пушка, три «Гочкиса» на станках и несколько ручных пулемётов.

Неподалёку бегло стрелял из винтовки помкомвзвода Савелий Балакин. Целился он с уверенностью опытного охотника и, кажется, свалил одного из атакующих. Большинство красноармейцев вели торопливую беспорядочную стрельбу, почти не целясь. Сказывалась неопытность и плотный огонь «Гочкисов», работавших как швейные машинки.

Расчёты быстро и умело меняли плоские кассеты по пятьдесят патронов в каждой. Пули хлестали по песчаным брустверам, не давая высунуться. Один из бойцов, выкопав ложбинку в бруствере, стрелял, слегка приподнявшись. Очередь смахнула песок, послышался отчётливый удар о металл. Боец сполз в окоп, каску сорвало с головы. Он ворочался на дне, стонал и просил помощи.

Григорий Осин сжался в комок, добивая обойму непонятно куда. Больше всего он боялся, что взводный пошлёт его под пулемётный огонь на помощь тяжело раненному бойцу. Осина окликнул Савелий Балакин.

– Целься, мать твою! Тебя япошки на штык наденут.

– Ничё, – храбрился Гриша Осин, загоняя в казённик новую обойму. – Щас мы их...

А лейтенанта Астахова позвал Назаренко.

– Почему у тебя «Дегтярёв» молчит? И проверь «Максим», может, сумеете наладить. Пошли Балакина.

Срывать с места обоих взводных командиров было нера-

зумно. И Астахов, и его старший сержант могли погибнуть одновременно, но ротный растерялся и не понимал этого.

Астахов, выскочив из окопа, побежал к пулемётному расчёту «Дегтярёва». Мешала каска, ноги вязли во взрыхлённом песке. Пули шли над головой. Лейтенант, пригибаясь, выкрикивал на бегу команды, отгоняя страх.

– Всем целиться! Бить только в цель!

Вряд ли Василий слышал сам себя, ожидая каждую секунду удара пули. Но он добрался до просторного окопа пулемётчиков и прыгнул в него, обвалив край. Взвод заметно усилил огонь, а лейтенант увидел, что первый номер расчёта лежит, зажимая окровавленное лицо. Помогать раненому времени не оставалось.

– Что с пулемётом? – быстро спросил он, перехватывая приклад «Дегтярёва» из рук второго номера, растерянно дёргавшего затвор.

– Ствол с затвором сцепился, – ответил красноармеец лет тридцати. – Никак не поддаётся.

– Перегрели «дегтяря»! Вода есть? – Астахов по цвету металла понял, что ствол раскалён до предела.

– Кажись, у Михаила оставалась во фляжке.

– А ты свою вылакал?

– Щас поищу. Должна у Мишки вода быть.

Сбросив каску, Астахов ударил прикладом об утоптанное дно окопа. Потом ещё раз, одновременно выглядывая наружу. Цепь, которая бежала на них, находилась метрах в ста

пятидесяти. В запасе оставались считанные минуты. Третий удар приклада расцепил перегретый ствол и затвор, вылетела стреляная гильза.

Второй номер лил из фляжки тёплую воду и тоже тянул голову вверх.

– Давай новый диск, – сказал Астахов, отщёлкивая прежний, полупустой.

Военное училище в Хабаровске, которое закончил в прошлом году Василий Астахов, называлось пехотно-пулемётное. С ручными и станковыми пулемётами возились каждый день, разбирая их до винтика и сдавая бесконечные зачёты. Сейчас это спасало жизнь. Дав одну и другую пристрелочную очередь, на секунду оторвался от «Дегтярёва»:

– Сколько дисков осталось?

– Два полных и один на четверть.

– Набивай пустые.

Размеренными очередями по 5–7 патронов, опасаясь, что пулемёт снова заклинит, Астахов замедлил бег японской пехоты. Он целился в офицера, в такого же лейтенанта, как он сам, бежавшего с пистолетом в руке. Перетянутый португеей, в высоких сапогах и кепи, тот выкрикивал команды, а главное – подавал пример личной храбростью.

Солдаты бежали всё быстрее. Василий вжался в приклад и дал длинную очередь. Японский офицер осел на подломившихся ногах. Двое солдат подхватили своего командира и потащили прочь. Каблуки чертили борозды по песку, а сол-

даты невольно оглядывались.

Последние несколько пуль в диске достали одного из японцев, спасавших лейтенанта. Он упал, но тут же вскочил и помог дотащить своего командира до безопасного места.

Огонь русских пулемётов и усилившаяся винтовочная стрельба заставили атакующую цепь залечь в сотне метров от роты, но положение складывалось аховое. Что-то непонятное творилось на левом фланге – кажется, первый батальон отступал. А из-за гребня и майхана (большой песчаной ямы) выбегала мелкими группами подмога атакующим. В сумятице боя они подобрались совсем близко.

* * *

Мелкий осколочно-фугасный снаряд 37-миллиметровой пушки тяжело ранил командира расчёта и второго номера. Кожух «Максима» был издырявлен, погнуло щит. Савелий Балакин машинально нажал на спуск. Пулемёт дёрнулся, дав короткую очередь, и замолчал. Из затвора торчал обрывок ленты.

Надо было срочно перевязать раненых, но атакующие приближались слишком быстро. Вдвоём с уцелевшим третьим номером, они открыли беглую стрельбу из винтовок. К ним присоединились красноармейцы из ближних окопов, прятавшиеся от пулемётных очередей.

– Вломим япошкам! – кричал боец, вытирая пот со лба.

Вряд ли эта небольшая кучка сумела бы отбить набравшую полную силу атаку, но подоспел командир батальона Лазарев с десятком бойцов и быстро развернул резервный «Максим», который капитан держал обычно при себе. Хвативший две войны, Пётр Данилович Лазарев сразу отреагировал на опасность, грозившую батальону.

«Максим» с его точным боем в руках опытного комбата срезал несколько японских солдат, бежавших впереди. Остальные продолжали атаку. Небольшого роста, упрямые, похожие друг на друга, с блестящими на солнце штыками, они не стреляли, понимая, что пальба на бегу ничего не даст, а успех принесёт их бесстрашие.

Над атакующей цепью прокатился протяжный боевой клич. Он словно связывал каждого отдельного солдата в единое целое, скреплённое священным воинственным духом предков. Они всегда били русских и уничтожат сейчас!

Ломая ряды бегущих на врага японских воинов, продолжал рассеивать смертельные очереди «Максим». Русские поднимались в рост из неглубоких окопов и стреляли, матерясь, лихорадочно передёргивая затворы. Многие сбросили каски, у других были расстёгнуты гимнастёрки, по лицам стекали капли пота. Не менее упрямая злость угадывалась в чумазах от копоти лицах. Сильный встречный огонь застопорил атаку.

Японцы бросались на песок, спасаясь от пуль, кто-то медленно отступал. Другие открыли стрельбу в ответ, но оста-

новившаяся цепь была обречена – таков безжалостный закон захлебнувшейся атаки.

Лазарев перенёс огонь на «Гочкис», который стоял на бархане среди редких кустов ивняка. Невидимые при солнечном свете трассы двух пулемётов пересеклись. По щиту «Максима» ударило словно огромным зубилом раз и другой. Выпустил ленту из рук и ткнулся лицом в песок второй номер.

– Товарищ капитан! – пытался перехватить рукоятки сержант, командир расчёта. – Не дело это! Батальон без командира останется.

– Сейчас... не мешай!

Лазарев уже пристрелялся и не хотел упустить цель. Пули снесли верхушку бархана, косили ивняк. Очередь отбросила японского пулемётчика, его помощник сполз, зажимая пробитое плечо. Веер пуль, которых не пожалел капитан, чтобы вывести из строя «Гочкис», ударил по массивному ребристому стволу, перекосив станок.

Комбат достал из кобуры старый потёртый «Наган» и, уступая место у пулемёта опытному сержанту, дал громкую команду:

– Батальон, в атаку!

Обстановка резко изменилась. Теперь бежали вперёд бойцы батальона, готовые к штыковому бою, оставив в окопах шинельные скатки и вещмешки. Пулемётный огонь прекратился, лишь изредка звучали винтовочные выстрелы.

Зато усилились крики, смешанные с русским матом. Шты-

ки клацали друг о друга, и пощады в этой смертельной схватке не было никому. Японский капрал, слегка присев, вонзил ножевой штык под рёбра красноармейцу. Выдернув его, мгновенно отскочил, выбирая новую цель.

Отбил гранёный штык и сделал умелый выпад, разорвав гимнастёрку и кожу на боку молодому красноармейцу. Тот отшатнулся, со страхом осознавая, что сейчас его добьют. Капрал издал шипящий звук, но добивать русского не стал, увидев опасность справа. На него набегал рослый красноармеец Антон Ютов, выставив сверкающее жало штыка.

Чтобы отразить удар, капралу требовалось развернуться. Он сделал это умело и быстро, но потерянные секунды стали для него последними. Отточенное узкое лезвие вонзилось в солнечное сплетение. Боль погасила дневной свет, из пробитой брюшной аорты толчками выбивало струйку крови.

– Получил, сучонок!

Этот выкрик едва не стоил Антону Ютову жизни. Японский солдат с тяжёлыми подсумками на поясе и ранцем за плечами готовился нанести удар. Его опередил Савелий Балакин.

Такой же низкорослый, но широкий в плечах, с мощными кистями рук, сержант Балакин ударил японского солдата. Однако штык выдернуть не сумел – застрял между рёбер. Понимая, что любое промедление погубит его, Савелий выпустил винтовку и поймал пальцами ножевой штык другого солдата, замахнувшегося для удара.

Несколько секунд они топтались на месте. Сержант сжимал штык всё сильнее, не обращая внимания на кровь, стекавшую из разрезанных пальцев. Его жёлто-зелёные глаза по-волчьи блестели, а вторая рука вдруг резко рванула ствол «арисаки».

– В гробину мать...

Приклад обрушился металлическим затыльником на лицо солдата, свалив с ног. Тот зажимал разбитые губы и нос, а сержант увяз сапогом в рыхлом песке. Колено подогнулось, но Савелий, быстро развернувшись, сумел достать штыком пытавшегося напасть со спины другого вражеского солдата.

С окровавленными руками, выбираясь из песка, сержант напоминал раненого, но смертельно опасного хищника. Трофейной винтовкой он орудовал как дубиной. Ударил по голове прикладом ефрейтора с жёлто-красными полупогончиками на плечах. Приклад раскололся. Балакин размахивал железякой с погнутым штыком, от него шарахались прочь.

Командир первого взвода, молодой лейтенант, назначенный Юрием Назаренко своим заместителем, был оглушён грохотом боя и растерялся. Стрелял в атакующих из «Нагана», в горячке мазал. Последней, седьмой, пульей срезал японского солдата, но погиб, проткнутый штыком. Японцев всё же отбросили, и капитан Лазарев приказал батальону закрепиться на песчаном гребне. Продолжать контратаку не имело смысла, слишком велики оказались потери. Кроме того, на правом фланге упорно прорывалась вперёд японская

штурмовая группа.

– Назаренко! – комбат отыскал глазами командира шестой роты. – Юрий Фатеевич, бери пулемёт и дуй на правый фланг.

Ординарец подал Лазареву флягу, и капитан с жадностью сделал несколько глотков. В трёх шагах от него лежал на спине убитый японский солдат. Узкие глаза были приоткрыты, солнце высушило большое пятно крови на гимнастёрке.

– Посчитай потери, – сказал Лазарев старшине. – Тяжелораненых немедленно эвакуировать, помрут они в этом пекле.

Поднялся и зашагал вслед за Назаренко, перезаряжая на ходу «Наган». Его тревожила обстановка на правом фланге, где вновь усилилась винтовочная стрельба.

* * *

Японский штурмовой взвод принадлежал к частям усиленной войсковой категории «А». Он насчитывал около сорока человек во главе с офицером в чине поручика и был хорошо подготовлен. Кроме винтовок и трёх пулемётов, взвод имел на вооружении несколько автоматов системы Бергмана. Здесь не было зелёных новичков. Солдаты участвовали в боях на территории Китая, пограничных стычках и прошли присягу кровью, расстреливая заложников и врагов империи.

Эти солдаты даже по внешнему виду отличались от обыч-

ных пехотинцев. Добротная форма, сапоги, каска с камуфляжной сеткой, а поручик, кроме «Маузера», носил самурайский меч как символ благородного происхождения офицера.

Взвод имел все шансы прорвать ослабленную оборону, но помешала излишняя самоуверенность поручика. Молодой офицер воспринимал русских с пренебрежением. Военнослужащим императорской армии не уставали напоминать о славной победе в русско-японской войне 1904–1905 годов, взятии Порт-Артура, разгроме русского флота под Цусимой.

Да и вооружённое столкновение на озере Хасан год назад показало слабую подготовку частей Красной Армии. Несмотря на превосходство в боевой технике, потери советских войск в два раза превысили японские.

Штурмовой взвод, по твёрдому убеждению поручика, должен был пробить брешь в русской обороне и повести за собой остальные подразделения. Удар был нанесён неожиданно, взвод прорывался вперёд решительно и умело.

Но поручик, бежавший на врага, размахивая благородным самурайским мечом, получил в первые же минуты не слишком благородное ранение – пуля пробила ступню. Вместо того чтобы залечь и командовать взводом, он решил показать пренебрежение к боли и, хромя, продолжал вести солдат в атаку.

Через несколько минут его ранило снова, но атака продолжалась. Инициативу взяли на себя сержанты и капралы.

Вооружённые автоматами Бергмана с 50-зарядными магазинами, они открыли беглый огонь. Пули калибра 7,63 миллиметра пробивали песчаные брустверы и тяжело ранили несколько красноармейцев, рискнувших высунуться.

Группа японцев прорвалась вперёд. Лейтенант Астахов отчётливо видел их лица. Торопливо достал из подсумка две «лимонки» и крикнул бойцам:

– Огонь гранатами!

Требовалось хотя бы замедлить атаку штурмового взвода. Его бойцов выручила предусмотрительность Астахова, сумевшего выбить у снабженцев два ящика эффективных и простых в обращении «лимонок». Взрывы заволокли склон облаком дыма и песка.

Красноармейцы не слишком умело обращались с гранатами. Некоторые бросали их, забыв выдернуть кольцо, часть гранат не долетали до цели. Тем не менее грохот взрывов и ранения, полученные сразу несколькими атакующими, заставили большинство японцев залечь.

Из завесы дыма выскочил капрал, стреляя на бегу из автомата с дырчатым кожухом и массивным магазином. Выронив винтовку, упал на дно окопа красноармеец, второй номер пулемётного расчёта.

Астахову обожгло руку, он снова перехватил пулемёт и открыл огонь. Капрал, уходя от пуль, залёг за песчаным бугром и лихорадочно менял расстрелянный магазин. У Василия Астахова тоже опустел диск. Он перезаряжал «Дегтярё-

ва», не отрывая глаз от японца, который возился со своим автоматом шагах в семидесяти от линии окопов. Кто кого опередит?

Капралу недавно исполнилось двадцать лет. В армии он служил полтора года. Не раз участвовал в зачистке подозрительных китайских деревушек, где с крестьянами не церемонились, а при малейшем подозрении в связях с коммунистами – рубили головы. Недавно, при нападении на монгольскую заставу, капрал застрелил пограничника, а офицер доверил ему пытать пленного.

Сегодня бой не заладился с самого начала. Русский офицер-пулемётчик и солдаты убили и ранили не меньше десятка его отважных товарищей. В ушах стоял звон от взрывов, и в самый неподходящий момент вышел из строя автомат. Русский лейтенант уже вставил диск в пазы, отчётливо лягнул взводимый затвор. От пулемётных очередей песчаный бугорок не спасёт! Капрал заученным движением выхватил из нагрудного кармана рубчатую гранату и, сдёрнув кольцо, метнул её в Астахова.

Она взорвалась, не долетев нескольких метров. Лейтенант успел пригнуться, сильный удар едва не выбил пулемёт из рук. Крупный осколок продырявил край пламегасителя, ещё несколько хлестнули по брустверу, запорошив глаза песком.

Капрал замер, прячась за бугром, а из низины выскочили сразу трое солдат в таких же касках с маскировочными сетками. Астахов стрелял почти вслепую, перед глазами всё

расплывалось, но он сумел свалить одного солдата, а другого достал винтовочный выстрел. Уцелевший автоматчик бежал вдоль неглубоких окопов, посылая очереди сверху вниз.

Остальные солдаты штурмового взвода лежали, их прижимал к песку пулемёт Астахова и винтовочная стрельба. Пытаясь поднять своё отделение, вскочил капрал. Он сумел наладить автомат, дал одну-другую очередь, но тут же упал – винтовочная пуля угодила ему в грудь.

Солдат, прорвавшийся к окопам, опустошил магазин и вдруг понял, что остался один. Красноармеец в пилотке выстрелил в него из винтовки, но только ранил.

– Берите живьём! – приказал Астахов.

Солдат, оглядевшись вокруг, оскалил зубы и, что-то выкрикивая, прижал к животу гранату. Бойцы шарахнулись прочь. Глухой взрыв подкинул тело, отлетела оторванная кисть руки.

Дисков к пулемёту больше не оставалось, но штурмовой отряд отступал, унося раненых. Красноармейцы кинулись было преследовать врага. «Гочкис» заставил их залечь.

– Что, получили? – кричали бойцы.

– Суньтесь ещё, все здесь останетесь!

Астахову принесли трофейный автомат.

– Гляньте, товарищ лейтенант. Вам он как раз пригодится.

И магазины запасные.

– Воды лучше дайте, глаза промыть.

Санитар осторожно лил воду из фляжки, затем протёр

глаза ваткой. Резь уменьшилась, но в правом глазу плясали красные точки, текли слёзы.

– Я вам глаз перевяжу, а вы шагайте в санчасть, – сказал санитар. – Кто-нибудь из бойцов вас проводит.

Появился ротный Назаренко и оглядел Василия.

– Ты у нас как пират одноглазый. Повоевал?

Бесцеремонность старшего лейтенанта всегда задевала Астахова. Какого ответа он ждёт?

– Атаку вражеской пехоты отбили, – козырнул лейтенант. – Потери подсчитываем.

– В санчасть собрался?

– Нет, пока останусь со взводом. Вечер наступает, неизвестно, что японцы к ночи придумают.

Назаренко никак не отреагировал. Глянул, как вытаскивают из окопа двух погибших пулемётчиков.

– Расчёт заменил?

– Так точно.

– Пусть диски срочно набивают.

Старший лейтенант поднял с бруствера трофейный автомат, осмотрел его.

– Японской трещоткой вооружиться решил?

– Решил. Автомат в ближнем бою штука эффективная, а с пистолетом много не навоюешь.

– Тебе и не надо воевать, – снисходительно заметил Назаренко. – Взводом чётко команду и с сержантов строже спрашивай.

– Вон мои сержанты лежат. Двое погибли, один тяжело ранен.

– Товарищ лейтенант из пулемёта лично огонь вёл, – не выдержав, вмешался пожилой санитар. – Если бы не он...

– А ты чего встречаешь? Занимайся ранеными и не лезь, куда не просят.

Быстрым шагом подошёл комбат Лазарев. Увидев перевязанное лицо Астахова, спросил:

– Что, ранили, Василий?

– Песком хлестнуло, товарищ капитан.

– В санчасть тебе надо. С глазами шутить нельзя. Или Назаренко не отпускает?

– Пусть идёт, – пожал плечами ротный. – Обойдёмся как-нибудь. Савелий Балакин его заменит.

– А кто командира первого взвода заменит, который полчаса назад погиб? Или Астахов так плохо командует, если ты его с лёгкостью отпускаешь?

– Справляется...

Что-то в тоне старшего лейтенанта комбату не понравилось. Спросил Астахова:

– Как боевое крещение? Крепко японцы напирали?

– Умеют воевать, – отозвался Василий. – До линии окопов добрались. Штурмовой взвод напролом шёл. Вон в сетчатых касках валяются. Одного живьём хотели взять, он себя гранатой подорвал. Японского поручика ранили, а он снова поднимается. Получил ещё одну пулю, солдаты его вместе с

мечом уволокли.

– Из «Дегтярёва» сам огонь вёл?

– Когда первого номера убили, товарищ Назаренко меня сюда послал. Дело знакомое, пострелял немного. А когда штурмовики к окопам приблизились, дал команду «лимонки» в ход пустить. Гранаты хорошие, часть японцев побили, других оглушили. После этого они отступили.

– Выходит, Астахов штурмовой взвод развернул. Так? – спросил комбат у Назаренко.

– Все воевали как надо, – отозвался ротный.

– Ну этих штурмовиков не просто остановить. Какие потери рота понесла?

Назаренко замаялся. Выступил вперёд и доложил о потерях ротный санинструктор Федулов.

– Погибли одиннадцать человек, в том числе командир первого взвода. Восемнадцать раненых переправили на западный берег в санбат.

– Тяжёлых нет?

– Хватает, – вздохнул Федулов. – Штыковые ранения в живот, двоих осколками издырявило, у других по несколько пулевых ран от «Гочкисов» и автоматов.

Комбат снял фуражку и коротко обронил:

– За пару часов три десятка ребят выбыло. Ладно, закрепляйтесь на позициях.

Когда комбат ушёл, Астахов попросил санинструктора:

– Матвей Устинович, ты человек опытный, посмотри, мо-

жет, без санчасти обойдусь.

– Иди-иди лечись, – отмахнулся Назаренко. – Комбат уже знает, что ты герой. Штурмовой взвод в одиночку переколотил.

Неприязнь ротного Назаренко к Астахову родилась уже давно, когда взвод Василия занял второе место в полку по стрелковой подготовке. Вроде бы радоваться надо, все успехи в зачёт роты идут. Но старший лейтенант почему-то решил, что Астахов его подсиживает. На этот раз Василий не выдержал:

– А без подковырок нельзя? Чего ты язвишь без конца?

Назаренко хотел что-то ответить, но промолчал. Перехватил неодобрительный взгляд старого земского фельдшера Федулова, которого уважали в роты. Да и весь второй взвод был явно на стороне своего командира.

Лишь политрук Боровицкий, появившийся, как всегда, после боя, назидательно выговорил Астахову, что со старшими командирами так грубо разговаривать нельзя – плохой пример для подчинённых. Но Боровицкий авторитетом в роты не пользовался, и никто не отреагировал на его поучения.

Тем временем Федулов, призванный недавно в армию, разматал повязку и внимательно осмотрел глаз. Удалив несколько песчинок кусочком влажного бинта, промыл глаз раствором марганцовки. Полегчало. По крайней мере, резь прошла.

– Остаюсь, – решительно заявил Василий.

– Думаю, нормально всё будет, – согласился с ним Матвей Федулов. – Тем более ветер стих, да и солнце заходит, слепить не будет. Повязка не нужна?

– Нет, – покачал головой лейтенант. – Чего людей пугать, как пират одноглазый.

* * *

До вчерашнего дня стрелковый полк, в котором служил Василий Астахов, около года размещался вместе с другими подразделениями в небольшом городке Тамцак-Булак среди бескрайней степи Восточной Монголии. Десятка три одноэтажных домов, казармы, а вокруг множество войлочных юрт, где жили монгольские семьи, а также командиры из состава расквартированной здесь монгольской кавалерийской дивизии. Расстояние от посёлка до реки Халхин-Гол составляло 120 километров.

Кроме бесконечной, местами холмистой степи, Василия поражало огромное солнце, которое на рассвете поднималось над горизонтом. К полудню раскалённый воздух заполнял всё вокруг. Белый солнечный диск словно плавился, а на юго-восточную часть неба было невозможно смотреть – слезились глаза.

К холодным зимам красноармейцам было не привыкать. Но здесь к сильным морозам прибавлялся постоянный ледяной ветер, сдувающий тонкий снежный покров. На так-

тических занятиях бойцы порой получали обморожения и с нетерпением ждали весны.

Она была короткой, и быстро наступала жара. Боевая подготовка начиналась рано утром, а когда роты возвращались к обеду в городок, горизонт колыхался и плыл в горячем мареве.

Среди дня полагался отдых и послеобеденный сон. В глинобитных казармах было относительно прохладно, особенно ночью. Пища была сытная. Монголия – страна аратов (скотоводов), и красноармейцы поначалу удивлялись, когда два, а то и три раза в день давали мясо, чаще всего баранину, которая быстро приедалась. Но суп или щи были наваристые и вкусные. Многие бойцы, особенно из бедноватых северных краёв, впервые наедались здесь досыта. В то же время все мечтали о картошке, к которой привыкли с детства, а в здешних местах её не выращивали.

Части Красной Армии (30 тысяч человек) были введены на территорию Монголии согласно договору о взаимопомощи в 1937 году. Это была довольно сильная группировка, имевшая на вооружении 260 танков, артиллерию, бронетомобили и более ста самолётов.

Причиной стали многочисленные провокации со стороны Японии, которая к тому времени хозяйничала в Маньчжурии, создав там марионеточное государство Маньчжоу-Го. Монгольскую Республику японцы рассматривали как свою будущую территорию. Начиная с 1935 года шли нападе-

ния на монгольские заставы, происходили многочисленные стычки.

Монголия не имела сильной армии. В случае агрессии японцы уже через считанные недели стояли бы на обширной советско-монгольской границе, заняв стратегический плацдарм для нападения на Советский Союз. И тогда правительство СССР заявило, что Красная Армия будет защищать монгольские границы как свои собственные.

Место для нападения у реки Халхин-Гол в конце мая 1939 года было выбрано японцами не случайно. Это была отдалённая территория. Ближайшая советская железнодорожная станция Борзя находилась в 750 километрах. Следует также признать, что граница за рекой Халхин-Гол практически не охранялась.

Командир 57-го особого корпуса комкор Фекленко Н. В. располагался со своим многочисленным штабом в столице Монголии Улан-Баторе. Большинство воинских частей корпуса стояли в значительном отдалении от Халхин-Гола.

В то же время японское командование сосредоточило к концу мая 1939 года на этом участке около трёх тысяч солдат, артиллерию и 40 самолётов. На рассвете 28 мая японские части начали наступление, стремясь окружить немногочисленные советско-монгольские части и отрезать их от переправы на западный берег реки Халхин-Гол. Это наступление не было внезапным – его следовало ожидать. Кроме сосредоточения наземных войск, уже неделю шли бои в возду-

хе, во время которых были сбиты несколько наших самолётов. За день до нападения нарком обороны Ворошилов высказал по телефону серьёзные претензии командиру корпуса Фекленко, однако выводов сделано не было. Уже на следующий день были сбиты более десятка советских самолётов. Счёт майских воздушных боёв стал 17:1 в пользу японцев.

Двадцать восьмого мая, хоть и с опозданием, началась переброска на автомашинах к Халхин-Голу подразделений стрелкового полка, где служил лейтенант Астахов. Свой первый бой он принял во второй половине дня. Боевые действия продолжались, то затихая, то вновь набирая обороты до поздней ночи.

Позже отмечалось, что вводимые спешно в бой батальоны действовали разрозненно. Однако лишённые единого руководства бойцы и командиры полка сражались решительно, задержав японцев на подходах к реке.

Второй батальон капитана Лазарева израсходовал почти все боеприпасы. Приходилось собирать патроны и гранаты на поле боя, неся новые потери. Лазарев приказал командиру шестой роты Назаренко:

– Пошли своего взводного Астахова к переправе. Пусть захватит с собой десяток бойцов и найдёт снабженцев. Парень расторопный, сумеет добыть, что нужно.

– У него глаз повреждён. Лучше старшину послать, – возразил Назаренко.

– Ничего, он и с одним глазом разглядит. А старшина

пусть крепкого чаю заварит, ночью нам спать не придётся. Людей покормил?

– Так точно. Консервами с хлебом.

– Ладно. Полевые кухни раньше утра вряд ли найдём, а чай горячий обеспечить.

Юрий Фатеевич Назаренко считался неплохим командиром. Но по служебной лестнице двигался медленно. Закончив военное училище, года четыре командовал взводом, затем получил роту. Жизнь в отдалённом гарнизоне под Читой текла неторопливо и размеренно, проявить себя было негде. Но рядом была жена, двое маленьких дочерей, и это казалось более важным, чем всё остальное.

Давно положенное капитанское звание он не получил. После чистки тридцать седьмого года очередные звания присваивали с большой оглядкой. Тем более что полк, в котором служил Назаренко, входил в состав Особой Дальневосточной Армии. Командующий армией маршал Блюхер был объявлен врагом народа и расстрелян в 1938 году.

Тень опального маршала ложилась и на тех, кто служил под его началом. После взвода Назаренко около трёх лет командовал ротой, со скрипом получив звание «старший лейтенант». О дальнейшем повышении речи не шло.

Когда в начале тридцать девятого года Назаренко внезапно перевели для дальнейшей службы в Монголию, он воспринял это как возможность проявить себя. Обстановка в республике складывалась напряжённая, японцы скапливали

у границы свои войска.

Жена ехать в Монголию отказалась. Дочери учились в школе, а в Чите жили её родители. Ради чего тащить детей в опасный район?

На новом месте Назаренко рассчитывал на повышение, но опять получил под командование роту. Всё это невольно сказывалось на его характере. Он часто раздражался, особенно когда видел, как выдвигают молодых командиров, прикладывался к бутылке, что отражалось в его служебной характеристике. Самостоятельность и независимый характер взводного Астахова выводили Назаренко из себя, он терял объективность.

Сегодняшний бой трудно было назвать успешным. Рота понесла серьёзные потери и практически не продвинулась вперёд. Но атаки японцев были отбиты, хотя людей бросали в бой буквально с колёс без поддержки артиллерии.

Неизвестно, где находился первый батальон, а второй и третий растянулись в прерывистую цепочку, которую японцы могли легко прорвать в темноте.

Василий Астахов с отделением красноармейцев шёл, отбиваясь от комаров. С наступлением темноты они повисли сплошным облаком. Спустя полчаса наткнулись на артиллеристов лёгкой полковой батарее трёхдюймовых пушек, или, как их чаще называли, «полковушек».

От неожиданности едва не открыли друг в друга огонь, но вовремя услышали ругань заблудившейся артиллерийской

разведки. Лейтенант Миша Карпухин со злостью шлёпал ладонями по лицу, размазывая давленных комаров, и проклинал водителей, которые бросили батарею среди песка.

– Лошадиные упряжки, дай бог, если через сутки подойдут, а мы тут в песке топчемся. Где наши?

– С километр впереди окопы второго батальона. За полчаса доберёшься, – показал направление Астахов.

– Я-то доберусь, а «полковушки» в песке вязнут. Каждая полторы тонны весит вместе с зарядным ящиком.

Присели покурить. Карпухин спросил, как прошёл бой. В голосе ещё необстрелянного молодого лейтенанта, закончившего пару месяцев назад ускоренный курс училища, звучало полное непонимание, что такое война.

– Навтыкали, небось, япошкам? – не дожидаясь ответа, уточнил он.

Карпухин, как и многие молодые командиры, был твёрдо убеждён, что японцы против наших бойцов слабы. Так утверждали политработники и так говорилось в многочисленных брошюрах. А яркие иллюстрации и плакаты наглядно показывали, как узкоглазые японские солдаты трусливо разбегались толпой от суровых красноармейцев со штыками наперевес и мчавшихся краснозвёздных танков.

– Там не по мишеням стреляли, – с трудом сдержался Астахов. – В нашей роте к ночи четыре десятка бойцов убитыми и ранеными выбыло. Вот тебе и япошки! Завтра сам поймёшь, что к чему, и дурацкие вопросы задавать не ста-

нешь.

– Вас ждали, – сказал Антон Ютов. – Без артиллерии туго пришлось, а у самураев миномёты.

Астахов хотел уточнить, что это были не самураи, а обычная пехота, усиленная на их участке штурмовым взводом. Но разводить пустые разговоры не оставалось времени.

– Заканчиваем перекур, – поднялся с песка Василий. – А ты, Миша, возвращайся на батарею, и тащите свои пушки побыстрее. До рассвета не окопаетесь – угодите под обстрел.

Карпухин хотел осадить Астахова, которому не подчинялся, но какие-то новые властные нотки в голосе товарища заставили его благоразумно промолчать. Тем более что вмешался сержант, командир отделения Родион Чашников:

– Поторапливайся, если не хочешь под раздачу попасть вместе со своим командиром батареи. Топчетесь на одном месте, до позиций добраться не можете.

Темноту прорезал миномётный выстрел. Хлопнула и стала медленно опускаться на небольшом парашюте осветительная ракета. Астахов разглядел справа от себя прибрежные кусты и тёмную полосу реки. Открыл огонь японский пулемёт, выстилая трассирующие очереди. Артиллерийский разведчик Карпухин и его сопровождение дружно бросились лицом вниз на песок.

– Вставайте, пули не в нас летят, – насмешливо обронил сержант Чашников.

Стрельба продолжалась. Отчётливо слышались удары

пуль о воду. Затем взорвались несколько снарядов среднего калибра. Скорее всего, японские артиллеристы нащупывали переправу.

Ещё через полчаса нашли снабженцев. Техник-интендант со своими помощниками топтался возле штабелей деревянных ящиков и цинковых коробок. Тусклым светом горели синие подфарники грузовика.

– Астахов, ты, что ли? – узнал лейтенанта снабженец. – Почему люди за боеприпасами не идут?

– Спроси чего полегче. Наверное, слишком далеко в тыл твоя команда забралась.

– А ты хотел, чтобы тебе в окопы патроны приносили? Под обстрелом всё это доставляли, между прочим. Сколько вас человек?

– Одиннадцать вместе со мной.

– Смеётесь, что ли! – хлопнул себя по коленкам интендант, добродушный мужик лет тридцати. – Куда мне всю груду добра девать?

– Спасибо, что комбат отделение разрешил послать. Люди оборону держат. Если ослабим линию, тебя самураи на штыки быстро насадят. Ладно, давай загружаться.

Отнесли в сторону ящиков пять винтовочных патронов. В каждом – две цинковые коробки по пятьсот патронов. Маловато.

– Давай ещё четыре ящика. Плюс гранат штук сто.

– Ещё пять ящиков, – уточнил интендант. – Для батальона

это крохи. Четыреста человек, а на каждого...

– Какие четыреста? – перебил его Астахов. – Наш второй батальон человек сто убитыми и ранеными потерял. И в третьем батальоне потери не меньше.

– Ой-ёй, – по-бабьи раскачивал головой интендант. – Что же у вас там творится?

– Война, – коротко отозвался Василий. – Повозка нужна. На себе мы много не унесём.

– Где же я её возьму?

– Грузи ящики на «полуторку», дорогу я покажу, – решительно заявил Астахов.

– В песке завязнем, – безнадёжно отмахнулся снабженец.

– Ни хрена, прорвёмся! – поддержал командира Сержант Чашников. – Тут с километр всего, а дальше ребята из батальона помогут.

Интендант боялся за сохранность машины, но до рассвета было приказано раздать все боеприпасы на руки. Если утром увидят ящики, то можно угодить под суд на невыполнение приказа.

– Давайте рискнём, – поддержал Астахова шофёр. – Ребята без патронов сидят, а мы тут с моря погоды ждём.

Перегруженная «полуторка» отчаянно буксовала. Её подталкивали бойцы. Выручало мастерство опытного шофёра и прохладная ночь – в дневную жару радиатор давно бы закипел. Интендант не рискнул передать машину в чужие руки и тоже помогал толкать грузовик.

– Можно было воды три бочки не брать, – сварливо бурчал он. – Тут река недалеко.

– Пока до реки доберёшься, тебя два раза ухлопают, – огрызнулся Чашников.

Неподалёку поднялась стрельба. Астахов крикнул:

– Всем занять оборону.

– А машина? Сожгут её к чёртовой бабушке, а мне отвечать.

Призванный из запаса школьный завхоз никак не мог привыкнуть, что уже сутки идёт война. При свете ракет словно ниоткуда возникли пригнувшиеся фигуры в незнакомой форме, блеснули кокарды на кепи с козырьками.

Столкновение с небольшой группой японских разведчиков могло закончиться плохо. Но несколько часов ожесточённого боя уже научили кое-чему лейтенанта и его красноармейцев.

Астахов стрелял из ТТ, нестройным залпом хлопнули винтовки. В ответ с опозданием в несколько секунд огрызнулся короткой очередью и захлебнулся автомат. Часто и звонко опустошал обойму «Маузера» японский лейтенант, старший группы. Интендант тянул из кобуры «Наган», продолжая стоять возле машины, затем неловко повалился на песок.

Взорвалась граната. Японцы, оставив тело убитого капра-ла, отступили в темноту. Ввязываться в бой в русском тылу было неразумно, и офицер предпочёл увести группу. Япон-

ский капрал с запасными магазинами и ножом на поясе лежал, раскинув руки. Его автомат разведчики подобрали и унесли с собой.

– Карпыча убили, – растерянно сказал шофёр. – Прямо в грудь пулю словил.

Астахов торопливо снял кобуру с «Наганом», забрал документы и сунул их шофёру.

– Передашь начальству. Заводи машину.

– А Карпович?

– На обратном пути подберёшь.

– Я в темноте могу не увидеть.

– Заводи, тебе говорят, – толкнул его Родион Чашников. –

Наши в окопах боеприпасы ждут.

Шофёр завёл мотор и, вздыхая, включил первую скорость. Он более года возил техника-интенданта, добродушного спокойного дядьку, знал его семью. Трое детей, вот ведь горе жене. Неподалёку рванул снаряд, и водитель, пригнув голову, прибавил газу, переваливая через гребень.

Глава 2. Дожить до заката

Два японских истребителя появились со стороны солнца. Наблюдатель, хоть и с опозданием, срывая голос, громко кричал:

– Воздух! Всем в укрытие!

Командир батареи капитан Николай Грач, прежде чем броситься на песок, оглянулся вокруг. Большинство артиллеристов уже спрыгнули в капониры и окопы. Двое-трое молодых бойцов бестолково метались. Один, прикрыв голову ладонями, убежал, не отрывая взгляда от приближавшихся самолётов.

– Евсюков, ложись! – крикнул ему капитан.

Рёв скоростных истребителей «Накадзима» стремительно приближался, и капитан уткнулся лицом в песок. Единственной защитой были редкие кусты ивняка.

Снизившись метров до трёхсот, самолёты сбросили четыре бомбы-«полусотки». На мгновенье мелькнуло серебристое, как у судака, брюхо истребителя с торчавшими шасси, крылья с опознавательными кругами на плоскостях и ярко-оранжевый капот. Шарахнули подряд четыре оглушительных взрыва, уши забило тягучим звоном.

Приподняв голову, Грач увидел оседающие клубы дыма и тучу мелкого песка. Неподалёку лежал боец, пытавшийся убежать от бомбы, гимнастёрка намокла от крови. К нему на

четвереньках полз санитар, но истребители, развернувшись, снова приближались к батарее. На этот раз они опустились ниже и обстреляли позиции из пулемётов.

Вспышки в носовой части фюзеляжа при свете солнца были не заметны, но треск пулемётов слышался отчётливо. Взлетали фонтанчики песка, а затем снова всё вокруг накрыл рёв моторов. На третий заход истребители не пошли, а повернули в сторону пехотных окопов. Несколько минут висела тишина, затем послышался стон.

Николай Трофимович Грач поднялся, его качнуло, но он удержался на ногах и зашагал к бойцу, наполовину засыпанному песком. Стал разгребать ещё не успевший нагреться за утро песок. Это был подносчик снарядов из первого огневого взвода. Крупный осколок убил его наповал, сломав несколько рёбер.

– Накрой парня чем-нибудь, – сказал он санитару, – и займись ранеными.

Погибли два человека, пятеро были ранены или контужены. Пятидесятикилограммовые бомбы, не уступающие по мощности тяжёлому снаряду, рванули крепко.

Лейтенанта, командира второго огневого взвода, ударило всем телом о спрессованный ветром песчаный склон. Голова и руки взводного мелко тряслись, он пытался что-то сказать, но не мог. Из рта тянулась нитка клейкой бурой слюны, а в глазах застыли недоумение и страх. Лейтенант не понимал, что с ним происходит.

– Грузите на носилки и срочно в санбат, – приказал капитан. – Федотов, примешь взвод.

Старший сержант козырнул.

– Есть принять взвод! Николай Трофимович, четвёртое орудие осколками посекло. Один в откатник угодил.

– Масло не течёт?

– Вроде нет. Чтобы наверняка убедиться, пальнуть бы надо.

– Сначала раненых глянем.

Бомбы зарывались глубоко в песок, осколки шли в основном вверх. Это спасло батарею от больших потерь, но одному из артиллеристов перебило ногу. Поверх повязки и шины проступало кровавое пятно.

– Пострадавших – в санчасть!

– Для переноски человек пятнадцать потребуется, – сказал старший санитар.

– Возьмёшь сколько надо. Строков выделит людей.

Лейтенант Никита Строков кивнул в ответ. Как и командир батареи, он был старше возрастом остальных артиллеристов. После нескольких лет сверхсрочной службы закончил ускоренный курс военного училища. Опыт имел большой и, командуя первым взводом, одновременно являлся заместителем командира батареи.

Расчёт четвёртого орудия выгробал лопатами песок из полузасыпанного капонира. Свежеокрашенная перед весенним смотром пушка получила несколько осколков в верх-

нюю часть щита и в откатное устройство под стволом.

Сделали два выстрела и убедились, что откатник не пробит. Японцы отреагировали ответным залпом, но снаряды летели издалека и взорвались с большим разбросом.

– Никита, я пока к пехоте схожу, а ты здесь распоряжайся, – сказал капитан. – Прицелы проверь и механизмы наводки. Этот чёртов песок везде набивается. Карпухе с его людьми вести наблюдение вон с тех барханов. Неизвестно откуда японцы полезут.

До окопов пехотного батальона было метров двести. Комбат Лазарев, поздоровавшись, спросил:

– Ты поближе батарею не мог бы передвинуть? Если танки попрут, нам туго придётся.

– Там голый склон, нас снарядами закидают, да и вам достанется. Ты же знаешь, Пётр Данилович, они в первую очередь артиллерию стараются выбить. По сведениям разведки, танков у них нет. Ты вчера видел хоть один?

– Вчера не было, а за ночь могли подтянуть. Но артиллерия и миномёты имеются. Бронемашины разведку вели.

– С ними мы справимся. Броня слабая, на вооружении только пулемёты.

– Зато миномёты из укрытий жару давали. И окопы не спасают, мины сверху летят. Ты имей в виду.

– Знаю, – отмахнулся Грач. – Штука эффективная, япошки их всюю используют, а у нас всерьёз никак не принимают. Маршал Кулик великими категориями мыслит, а тут ка-

кая-то труба и мины три килограмма весом. То ли дело наши гаубицы! Мы «полковушки» едва по песку дотащили, а гаубицы сюда и трактором не доволокёшь.

Посидели, обсудив вопросы взаимодействия. Быстрым шагом позиции обходил командир полка Рекунков в сопровождении адъютанта. Лазарев и Грач встали, приветствуя подполковника. Высокий, скорее даже долговязый, Рекунков спросил командира батареи:

– Тебя где всю ночь носило? Мы тут воевали, а ты добраться до нас не мог.

– Почему всю ночь? Мы вечером до вас добрались и окопались согласно вашему указанию.

– Хреново окопались, – категорично заявил Рекунков, который знал командира батареи давно, ценил его и обращался по-дружески. – Ночью я и сам толком ничего не видел. Передвинь одну пушку поближе к окопам, а другую метров на пятьсот правее, к третьему батальону.

– Есть! Правда, нежелательно батарею разрывать на части.

– Мне тоже не хочется. Но японская группировка насчитывала на вчерашний день три тысячи человек, в том числе девятьсот сабель. Подходят ещё войска, так что драка завязывается серьёзная.

Капитан Грач вернулся на батарею и приказал срочно переставить две пушки. Солнце пекло уже вовсю, и бойцы взмокли от пота, перетаскивая к третьему батальону орудие и зарядный ящик. Посмеивались над старшим сержантом

Федотовым, назначенным командиром взвода, но по-прежнему командовавшим единственной пушкой.

– Небось ожидал, кубари на петлицы получишь, – зубо-скалил наводчик Калина Дмитрий, считавший себя главным человеком в расчёте. – А вот хрен тебе. Были мы сержантами, ими и останемся, а к прицелу я тебя не пущу. Потому как наводить ствол и стрелять – моё законное право.

Колёса по ступицы утопали в песке, людей не хватало. Артиллеристы, отправленные эвакуировать раненых, ещё не вернулись. Трое бойцов срочно рыли капонир между кустами ивняка.

– Быстрее, – торопил расчёт Иван Федотов. – Здесь мы как клопы на белой стене, а японцы того и гляди попрут.

– Надо было людей побольше у капитана просить, – сказал Калина. – Ты ведь теперь взводным считаешься.

Над головой с характерным свистом пронеслась пристрелочная очередь, а чуть позже рассыпалась трескучая очередь японского «Гочкиса». Следующая очередь пошла точнее. С десяток пуль хлестнули по песку с недолётом. Одна из них, отрикошетив, звонко щёлкнула по ободу колеса. Расчёт уже лежал, вжимаясь в песок.

Федотов разглядел, что станковый пулемёт ведёт огонь метров с семисот – опасное расстояние. Почему молчат наши «Максимы»? Командир расчёта (или взвода) не знал, что половина «Максимов» были разбиты или повреждены вчера артиллерийским и миномётным огнём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.